

Валерий Иванченко

Родился в 1963 году в Магадане. Окончил исторический факультет Алтайского государственного университета. Действительный член АКО РГО. Живет в Барнауле.

ОГНИ

В первый раз Петров наблюдал парные огни зимой 1997 года. Это событие, говорит он, изменило его судьбу. Звучит пафосно, но так, похоже, и было. Впрочем, сначала надо кое-что рассказать о самом Петрове.

Я был знаком с ним пару лет в конце восьмидесятых годов, мы вместе работали в научно-исследовательском секторе Алтайского университета. Петров был родом из Казахстана, только что окончил геофак в Томске, и в Барнаул его пригласил научный руководитель нашей темы, заметив на одной из студенческих конференций. Тема хоздоговорной работы касалась снежного покрова в горах и требовала не столько какой-то особенной подготовки, сколько здоровья и любви к приключениям. Зимой и летом мотались мы на вертолетах и просто пешком по среднегорью Южной Сибири, расставляя осадкомеры, выбирая и отрабатывая полигоны на разных формах рельефа.

В 90-м году деньги заказчика внезапно иссякли, а исполнители разбежались кто куда. Открывшиеся в те времена коммерческие возможности были несопоставимы со ставкой на кафедре.

Я уехал в другой город и много лет ничего о Петрове не слышал, пока жизнь не свела нас случайно. Хотя, безусловно, была в этой встрече и закономерность — общее прошлое водило нас одними дорогами.

Года три назад, в конце лета, друзья позвали покататься на внедорожниках по левым чарышским притокам — редкой красоты безлюдным местам вдоль казахстанской границы. И когда заехали на кордон Тигирекского заповедника отметить свои пропуска, я узнал старого знакомого в одном из сотрудников. Кордон представлял собой несколько домиков в круглой долине между горных ущелий. Там была и метеоплощадка, на ней неторопливо возился с приборами раздавшийся вширь Петров. Тридцать лет назад он был худым, жилистым, быстрым. Теперь пришлось долго объяснять, кто я такой.

Проговорили с ним половину ночи, а наутро, когда товарищи засобирались дальше, к Синюхе и Белому озеру, я решил задержаться. Очень уж странные вещи Петров рассказывал.

Запомнилось, что в молодости он отличался такой чертой, которую можно назвать задумчивостью. Иногда случайно брошенная фраза западала ему в голову, и он мог обдумывать ее несколько дней, чтобы потом, всем на удивление, вернуться к давно забытому разговору и выложить череду соображений, к которым в итоге пришел. В пустяшной беседе Петров вдруг выступал с пространной речью, поражающей не столько большим умом, сколько вьедливостью. Как мне кажется, из подобных людей с природным любопытством и склонностью к размышлениям получались знаменитые ученые-естествоиспытатели прошлого. И быть бы Петрову по меньшей мере доктором наук, если бы не столь веселое время ему досталось. Впрочем, на путь открытия тайн природы он все-таки вышел.

Тогда, в начале девяностых, им с женой удалось удержаться в бизнесе. Поймали незанятую тему, открыли несколько магазинов, наняли сотрудников, и однажды оказалось, что Петров, так и не нашедший в этих делах ничего привлекательного, получил массу свободного времени, которое, против обычаев своего круга, стал употреблять не на гульбу или заграничные путешествия, а на потакание глубинным потребностям. В общем, стал лазить

по горам в качестве туриста. Лыжи, ледоруб, катамаран, как пели известные барды.

Однажды в новогодние дни между известными выборами и знаменитым дефолтом ему довелось побывать в самой большой алтайской пещере. Это вертикальный лабиринт с входом на дне оврага, собирающего воду с обширного плато между вершинами рек. Летом по основному руслу пещеры текут ручьи и падают водопады, а зимой обычно бывает сравнительно сухо. Но в тот январь случилась оттепель, и Петров с товарищем изрядно намокли под морозящим в подземных колодцах дождем.

На поверхность они выбрались среди ночи, когда подморозило, и поспешили надеть лыжи, пока не схватилась льдом обувь. Им надо было пересечь плато и съехать в долину, к избушке — всего около трех километров. И вот, когда недалеко уже оставалось до спуска, Петров увидел огни. Неподалеку, в нескольких сотнях метров, возвышалась над заснеженным полем грива с полоской леса по верху, и на гребне мелькала за деревьями и двигалась пара огоньков, будто фары.

— Трактор, — сказал спутник Петрова.

Но звука не было слышно, к тому же в какой-то момент светлячки, похожие на яркие звезды, поднялись над деревьями и стали видны на фоне неба. Они поднимались небыстро, и при подъеме их мотало вправо-влево, словно габариты воздушного шара или змея, хотя было совсем безветренно. После нескольких резких движений огни взмыли вверх и растворились в темных облачных пятнах. Больше всего Петрова поразило неизменно одинаковое расстояние между ними. Они не сближались и не удалялись один от другого, словно были частями единого механизма — что-то свойственное технике, а не природе.

До этого случая Петров ни с чем необъяснимым не сталкивался. Досужие рассказы о разных загадочных происшествиях всегда списывал на свойства человеческого восприятия и вообще психики. И когда вдруг сам оказался наблюдателем непонятно чего, принял случившееся как вызов. В нем загорелось любопытство, проснулся ученый. Другой бы сказал что-нибудь всем понятное: мол, летают, сволочи, есть еще жизнь во вселенной. Но не Петров, который очевидное на дух не выносил.

После не раз появлялись у Петрова поводы пересмотреть собственный рационализм — не в сторону поповской уфологии, разумеется, а в пользу материй метафизических, очень уж тонка была грань между наукой и мистикой в тех областях, куда он погружался. Однако естествоиспытатель крепился. Важную роль в его материалистическом выборе сыграл новосибирский профессор Алексей Дмитриев, брошюра которого когда-то валялась в нашей рабочей комнате корпуса АГУ на углу Социалистического и Димитрова.

Для исполнения обязанностей нам тогда требовались топографические карты высокой точности, поэтому рабочее место было за железной дверью Первого отдела. Откуда взялась эта книжница, отпечатанная малым тиражом в типографии какого-то института, никто не знал, но на обложке стоял гриф «для служебного пользования», что определило ее судьбу. Называлась она «Терракосмические сияния в Горном Алтае», и в свободную минуту любой бездельник мог раскрыть эту стопку пополам перегнутой бумаги на канцелярских скрепках и прочесть со слепой, репринтным способом размноженной машинописи о разнообразных случаях появления на границах Онгудайского и Усть-Коксинского районов небесных явлений, в обиходе именуемых НЛО.

Описанные в брошюре светящиеся образования перемещались над Теректинским хребтом, и наблюдали их с большого расстояния, из Уймонской долины, то есть размеры были огромные. Автор считал их следствием вертикального перетока энергии, аккумулярованной сжатыми породами вдоль линий тектонического разлома, причем высвобождение этой энергии провоцировали космические явления, влияющие на магнитосферу Земли. Гипотеза была спорная, но Петров знал еще кое-что: вдоль водораздельной области Теректинского хребта протянулись поля карстующегося известняка — точно такими же породами было сложено плато, где он видел огни.

Именно по линиям разломов формировались ослабленные зоны, где впоследствии получали развитие водотоки, растворяющие известняк и образующие вертикальные пещеры. Часто такие водотоки вскрывали уже существовавшие ранее полости, погребенные в течение богатой геологической истории массива сотни тысяч и миллионы лет назад.

Петров отыскал Дмитриева в Академгородке через знакомого геолога и скалолаза по фамилии Булычов. К тому времени Алексею Николаевичу стукнуло всего лишь шестьдесят пять лет, но от науки он почти отошел. Защитив кандидатскую по математике еще в шестьдесят восьмом, а докторскую по геологии в восемьдесят шестом, он до начала девяностых руководил государственной программой по всяким странным явлениям в атмосфере и ближнем космосе. Потом программу постигла та же судьба, что и нашу гляциологическую тему — деньги закончились. Чем занимался Дмитриев в девяностых и в следующие двадцать лет отведенной ему жизни, Петров узнал несколько позже.

Встретились в полногабаритной профессорской квартире с окнами на Морской проспект. Участников разговора легко представить, их портреты можно найти в Сети. Спортсмен Булычов, весь состоящий из сухожилий и мышц, неширокий тогда еще Петров с непроницаемым лицом бесстрашного зануды, бухгалтера мафии, и сам хозяин — уверенный экспедиционный боровичок с седыми усами, похожий на штабного царского генерала.

Выслушав историю про огни, Дмитриев спросил, что они с товарищем тогда чувствовали. Петров удивился. Профессор уточнил, что имеет в виду не переживания по поводу, а какие-либо необычные ощущения. И рассказал историю из своей молодости.

В пятидесятых, еще студентом, он делал геологическую съемку на забайкальском Муройском хребте. И вот, в одиночном маршруте, от которого его отговаривали местные эвенки, Дмитриев пережил измененное состояние сознания. На втором часу ходьбы он почувствовал, что теряет контроль — перестает считать шаги и пропускает точки наблюдения. Наступила необъяснимая эйфория, туманящая голову. Он запомнил, что вроде бы замечал боковым зрением яркие вспышки, на которые поворачивал, но каждая следующая заставляла менять направление. Скоро он перешел на бег, сходный, как я понял со слов Петрова, с описанным некогда Карлосом Кастанедой (которого ни Дмитриев, ни Петров не читали). В один из моментов просветления в голове возникла фраза: «Так много огня кругом, можно сгореть», — и он резко повернул к реке («чтобы не загореться»). Когда разум прояснился, пришлось долго выяснять, где он теперь находится.

Далеко не сразу удалось понять, что за три часа Дмитриев удался от лагеря на четырнадцать километров, притом что точек в маршрутной книжке оказалось снято только на первые пять. Эвенкийка, смотрящая в экспедиции за оленями, сказала ему: «Пустил тебя дух огня, долго жить будешь».

— Они бывают опасны, — заметил Дмитриев с хитрецей бывалого человека, не готового сразу выложить все, что знает, первому встречному. — Излучают в любых спектрах и звучат на самых разных частотах. Действуют не только на психику. Могут и искалечить. Кто — «они»? Называйте, как хотите. Плазмиды, энергофоры... Форма существования избытка свободной энергии.

По его словам, главная проблема — не только в полнейшей непредсказуемости времени и места наблюдения, но и в тех сюрпризах, которыми может такое наблюдение сопровождаться. Однажды, году в восемьдесят втором, Дмитриев со своей группой до поздней снежной осени дождался пролета известного в тех краях «объекта с лучом», который время от времени освещал Теректинский хребет на протяжении ста с лишком километров. Местные говорили, что, наверное, в этом году его уже и не будет. Но объект появился, и хотя все было в полной готовности, снова не дал ни измерить себя, ни даже сфотографировать. Как только члены группы бросились к приборам, свечение стало нестерпимым. Сам Дмитриев закрывал глаза ладонями и видел сквозь веки косточки своих фаланг.

— Автоматики у нас не было, — сказал он. — Прибор в таких случаях должен сам, без человека, работать.

К версии Петрова, что огни могут быть связаны с карстом, Дмитриев отнесся прохладно, ведь известняк не имеет той энергоемкости, которая свойственна породам изверженным, да и представлен он вдоль теректинского разлома лишь разрозненными участками.

— Но, может быть, пустоты... — заикнулся Петров.

— Пустоты ничтожны, — отрезал Дмитриев.

Между тем, разговор перешел именно к пустотам, поскольку Булычов имел свой интерес. Он собирался применить геофизические методы зондирования карстовых полостей, а Дмитриев

изначально был специалистом по математической обработке геологической информации. И довольно долго эти двое обсуждали вопросы, для Петрова малопонятные.

Закончилось это обсуждение неожиданно. Алексей Николаевич вдруг принялся рассказывать о квартирных полтергейстах, в экспертизах которых участвовал, а потом перешел на значение для современной жизни учения «Агни-йоги», причем обильно цитировал книги Елены Ивановны Рерих. Петрова поразила та легкость, с которой профессор спустился с научных материй на эзотерику, он буквально услышал в этот момент перехода щелчок невидимого переключателя.

Из гостей он уходил с подписанной книжкой «Плазмообразование в энергоактивных зонах» и крепнущим пониманием, что перестать быть ученым много легче, чем стать им. Раскрыв дома подаренную книгу, Петров быстро наткнулся на выражение «организменная модель Земли» и догадался, что автор, скорее всего, еще и сторонник теории Геи, то есть живой планеты, которую современные пантеисты втихую двигали под прикрытием наскоро выдуманной науки «геоэкологии». Впрочем, Дмитриев брал куда шире — Земля для него была частью организма всей Солнечной системы, а энергоактивные зоны он считал особыми чувствительными органами планеты, ответственными за связь с космосом, осуществляемую средствами «вертикального энергопереноса».

Добравшись в следующие дни до подходящего книжного развала, Петров взял в руки томик с названием «Мир Огненный» и долго листал в поисках запомнившейся цитаты. В конце концов, она отыскалась, оставив все же некую неудовлетворенность, которая получила разрешение лишь месяц спустя. Оказалось, что те же слова он видел совсем в другом месте — в книге, читанной им еще в школьном детстве. Чтобы убедиться точно, пришлось посетить районную библиотеку.

Затасканное до лохмотьев первое издание «Возвращения» Стругацких «в золотой рамочке». То самое, где на странице сто семьдесят три внезапно упоминалась система Каспаро-Карпова (очевидный временной пробой информационного поля). Там, на самой последней странице, персонаж, живущий в двадцать

втором веке, вдруг произносит: «Для будущего мы встаем ото сна. Для будущего обновляем покровы. Для будущего устремляемся мыслью. Для будущего собираем силы. Мы услышим шаги стихии огня, но будем уже готовы управлять волнами пламени». Детгиз, тысяча девятьсот шестьдесят третий год.

Эта находка вбила в разум Петрова очередной гвоздь. Следующим ударом стало видео, случайно подсмотренное в телевизоре. Шла обычная передача про невероятные вещи, точнее, показывали зарубежный фильм, посвященный аномальным явлениям. За кадром некто рассказывал о неведомо как возникающих кругах на полях. Не просто кругах, а замысловатых рисунках на уложенных рядами посевах. И вдруг показали сделанную издалика съемку — возможно, с камеры наблюдения. На этих кадрах по траве металась стая ярко светящихся точек, примаинающих на лету стебли. Словно рабочие элементы невидимого принтера, они выжигали или выкладывали в поле рисунок. Видео было, скорее всего, фейком, результатом искусного монтажа. Но Петров задумался.

Ему представился этот самый «мир огненный» — тысячекилометровые раскаленные бездны под скорлупой сравнительно твердой земной коры. Неужели за те миллиарды лет, в конце которых внешнюю поверхность захватила белковая пленка, там внутри не происходило ничего интересного? Не возникли сложные долговременные структуры для передачи и обработки сигналов?

С точки зрения естественных наук, человек — лишь самый распространенный на планете животный вид. Да, это фактор изменения поверхности Земли, но такое изменение пока заметно лишь на малом проценте площади суши. Бобры тоже преобразуют ландшафт — в своих, доступных масштабах. Мы отказываем в наличии разума бобрам, муравьям и термитам, не находя у них технологии и культуры. Но если видео с огоньками в полях не подделка, то что это, как не демонстрация технологии и культуры? Разве нельзя представить светящиеся объекты своеобразными механизмами, дронами, посылаемыми из глубинных структур планеты? Ведь Дмитриев определенно свидетельствовал об эпизодах «всплывания» или «погружения» светящихся образований в скальные породы и грунты.

(В скобках: на том месте нашего разговора, где зашла речь про термитов, я заметил, что о подобных вещах уже рассуждал Станислав Лем в романе «Фиаско». Но Петров про такую книгу даже не слышал).

В следующий период своей жизни он погрузился в чтение. Не только ходил в краевую библиотеку как на службу, но и регулярно ездил в Новосибирск, выписывал литературу по почте и сидел в сети Интернет, не столь еще богатой в то время, зато не озабоченной соблюдением авторских прав. В чем была его цель? Он ощущал неполноту картины мира, сформированной в годы учебы. Между общеизвестными истинами скрывались ускользающие от прямого взгляда зияния, которые Петрову хотелось заполнить.

Он читал учебники, монографии, сборники статей и диссертационные работы из разделов геологии, геофизики и физики атмосферы, одновременно не брезгуя изучением паранаучных трактатов в духе «нью-эйдж». И если для понимания одних текстов Петрову не хватало математической подготовки, то другие поражали его наивностью. В основании тайного знания изначально лежала неясного происхождения традиция (она же «древняя мудрость»), а затем — откровения, переданные посвященным из неких нечеловеческих духовных источников. И если в прошлом духи откровенничали, как правило, с развитыми людьми, то ближе к современности стали не такими разборчивыми, вступая в общение с необразованными коммивояжерами и домохозяйками.

В то же время на Петрова произвела сильное впечатление «Роза мира» Даниила Андреева. Он понимал, откуда берутся подобные видения с точки зрения психиатрии, но их детализация и очевидная вменяемость автора ограничивали возможность простых заключений.

Одно время Петров серьезно задумывался, не начать ли самому практиковать медитации, но, прочтя православную брошюру о духовидении, от мысли такой отказался. Не хватало ему еще бесовщины. Хотя, полагал он, и бесовщине можно найти естественно-научное объяснение. Работа мозга тонка, зависит от биоэлектрических импульсов. Атмосферные электромагнитные образования могут влиять на мозг своими полями, возможно,

передавать некую информацию. Другое дело, что человеческое сознание субъективно и не может воспринимать данные в чуждой ему кодировке. Впрочем, даже информационный шум может быть как-то субъективно интерпретирован мозгом.

Тем временем в личной жизни Петрова произошли изменения. Жена нашла ему замену. Он давно уже пренебрегал супружескими обязанностями, под которыми супруга Петрова в первую очередь понимала участие в управлении совместным бизнесом. Вместо него в дело вписался некий бодрый отставной военный, ради которого был совершен официальный развод. Но Петров, благодаря своему дару занудства, не только остался в числе учредителей, но и сохранил в компании формальную должность подписывателя документов, гарантирующую невозможность избавиться от него полностью. Таким образом, он обрел в свои тридцать семь лет свободу от обязательств и достаточный для скромного образа жизни пассивный доход.

Полагаю, что для его системного мышления бытовые хлопоты вроде поиска, покупки и обустройства новой квартиры, были совершенной ерундой в сравнении с глобальными вопросами, подходы к которым он тогда пробовал отыскать через специальную или мусорную литературу. Но однажды, в ноябре уже нового века, Петров поскользнулся на льду. В результате этого события — не сразу и не впрямую, а весьма опосредованно — мозги ищущего встали на место, и он пришел к собственной методологии понимания паранаучных явлений.

Со сложным переломом кисти Петров попал в Первую городскую больницу, где ему довелось познакомиться с теорией доктора Карла Густава Юнга. Здесь постарался сосед по палате — аспирант-философ, страдающий на редкость зацикленной логореей. Фамилия его была Фролов. Он первым делом выяснил даты основных биографических событий нового знакомого.

— Астрологией увлекаешься? — спросил Петров.

В ответ аспирант только хмыкнул: мол, если бы так.

Оказалось, что философ в последнее время (прежде чем сломать руку) был занят поиском совпадений, случающихся не только в его собственной жизни, но и в судьбах людей, с которыми жизнь его сталкивала. У него самого, например, выстраивались

в серийные ряды женщины. Первые три имели одну дату рождения, две последние носили одинаковое имя и отчество, а их незнакомые друг с другом мамы были смотрительницами залов художественного музея.

— Значимые совпадения есть манифестация юнгианского принципа синхронности, указывающего на существование в мире и его проявлениях глубоко скрытой структуры, — так говорил аспирант. — То, что мы называем судьбой, есть закономерность, запускаемая нашим личным бессознательным, спроецированным на коллективное.

Еще он говорил, что главное противоречие мира, лишённого случайностей, лежит между предопределением и свободой воли. Если Бог создал мир одновременно, во всех четырех измерениях, включая время, значит, будущее уже существует и любой выбор — лишь видимость. Преодолеть этот парадокс можно лишь допустив, что мир сотворен во всех возможных вариантах, а значит, в каждый момент времени мы выбираем, каким путем двигаться, и наш путь опять-таки не случаен.

Его нескончаемая болтовня казалась Петрову слишком уж легковесной, непрофессиональной, доктор Юнг наверняка вертелся в гробу, когда аспирант привлекал его ученое имя для обоснования своих дилетантских выкладок. Но через несколько дней после выписки из больницы Фролов позвонил Петрову и заявил, что знает, зачем их дороги пересеклись. Он должен «передать соль», то есть познакомить с одним человеком.

Человек носил фамилию Громов и тоже был аспирантом АГУ, то ли физиком, то ли химиком, имел неопределенный возраст и походил на поселкового хулигана из 70-х, имевшего время набраться на зоне приличных манер. Для встречи Фролов привел Петрова в частный сектор на границе Юбилейного парка, где физико-химик, родом из Заринска, снимал половину дома. По совету философа они взяли выпить и закусить, однако Громов пил свое — собственноручно очищенный спирт, разлитый в лабораторную посуду.

История с Громовым случилась самая неприятная — у него нашли лучевую болезнь. Госпитализировали с поносом и рвотой, а после анализа крови стали выяснять род его занятий. В лабораторию нагрянула прокуратура, поставили на уши весь факультет, однако

ничего радиоактивного в материалах, с которыми он работал, так и не сумели найти. И тут Громов вспомнил, что за неделю до госпитализации повстречал шаровую молнию.

Это произошло недалеко от дома, поздним летним вечером. Он шел через пустой парк и увидел светящийся шар, выплывший откуда-то сзади и медленнодвигающийся вдоль линии электропередач. Было до него метров десять. Размером с небольшой мяч, он и светился-то не очень сильно, как бледная матовая лампа. Громов остановился и понаблюдал с минуту, пока шар не удалился вглубь парка. Он даже особого удивления не испытал. Ну, шар и шар. Слышал рассказы о таких случаях. И когда болезнь больше не с чем стало связывать, как только с той нечаянной встречей, Громов на подлое явление природы серьезно обиделся.

Обошлось, как сказали врачи, без особых последствий, хотя кто знает, чем облучение аукнется дальше. Но аспирант тоже был каким-никаким ученым и тоже направился в библиотеку, чтобы понять, с чем его угораздило столкнуться.

В библиотеке Громов нашел работы Дмитриева. Услышав знакомую фамилию, Петров встрепнулся, но то был однофамилец, Михаил Тимофеевич, причем постарше его знакомого из Новосибирска. Почти всю жизнь он проработал в лаборатории физико-химических и радиологических исследований Института общей и коммунальной гигиены Академии медицинских наук. Написал множество книг и статей по технике безопасности, были среди них в частности и рекомендации, как вести себя при встрече с шаровой молнией. Его докторская семьдесят третьего года называлась «Исследование радиационных, фотохимических и других физико-химических процессов в воздушной среде».

Этот Дмитриев прославился тем, что стал первым в мире исследователем, который не только лично наблюдал феномен на реке Онеге, но и смог сделать замеры. Неизвестно, откуда в августе шестьдесят пятого у него в палатке оказались радиометр и ампулы для взятия проб воздуха (явное шпионское по тем временам оборудование), но факт зафиксирован.

Выяснив в библиотеке подробности, Громов осознал, что легко отделался. Мало того, что доза облучения могла быть куда сильнее, плазмод мог его просто испепелить. В восемьдесят первом

году в Хабаровске такая штука расплавила полтонны грунта, концентрация энергии в видимом объеме у нее была как в тротиле.

В общем, посидели они тогда неплохо, хотя самым довольным в результате остался философ Фролов. Петров ничего неизвестного и важного не услышал, а смысл встречи понял лишь несколько лет спустя, когда Громов нашел его, чтобы рассказать о случае в Генералке.

Главный вывод, который сделал Петров: всякие измерения и математические модели хоть и дадут новые знания о физике плазмы, но мало что прибавят к пониманию сути летающих объектов. Так же, как опыты над человеком, пойманным некими чужими тварями, и даже его препарирование не позволят им понять сущности ни отдельного индивида, ни, тем более, всего человечества. Как географ, он знал, что о популяции лучше всего может рассказать наблюдение за ее взаимодействием со средой обитания. То есть, с ландшафтом и биоценозом.

После долгих раздумий Петров пришел в Институт водных и экологических проблем, который тогда только готовился переезжать с улицы Папанинцев в новое здание на Молодежной, дом один. В свои немолодые годы (близился сороковник) он задумал, по примеру новых знакомых, тоже поступить в аспирантуру, пусть даже платную. Тему работы он приблизительно представлял как «Энергетическая емкость ландшафта и атмосферные феномены» или «Геоинформационный подход к изучению энергопереноса на границах земных оболочек». Понятно, что в институте над ним посмеялись. Ошибкой было и то, что Петров, ничтоже сумняшеся, упомянул имя Дмитриева-младшего, давно уже, как выяснилось, ходившего в лжеученых. И правда — к тому времени Алексей Николаевич уже всю продвигал «Живую этику» с «Тайной доктриной» и даже издал в Томске монографию об огненном пересоздании климата Земли силами Космоса.

Однако Петров произвел положительное впечатление и ему предложили вакансию инженера в лаборатории физики атмосферно-гидросферных процессов. Заведующий обещал перспективы аспирантуры в будущем, когда новый сотрудник пооботрется в практической науке и поймет приоритеты. На деле в пользу Петрова сыграли его нынешняя бессемейность и невнимательность

к размеру заработка. Так что в следующие шесть лет он не только вспомнил, но и превзошел полевую молодость, вновь много и все-сезонно путешествуя по Сибири — иногда при помощи авиации, а чаще на серой уазовской «буханке», водитель которой Бронников оказался бывшим ментом и литератором по призванию.

Практическая наука сильно разочаровала Петрова. Безусловно, изучение сезонных различий диэлектрических свойств карликовой древеснотундровой растительности в микроволновом диапазоне или валидация данных спутникового дистанционного зондирования в условиях засоления почв немало послужили его развитию в качестве исследователя. Но со своим опытом бизнеса он, хоть не сразу, а разобрался в текущих через институт финансах и понял, что механизм действует с минимальными собственными научными результатами. Эти годы он считал хорошим временем, проведенным с пользой. Он был в команде, видел много мест и людей, узнал немало нового. Хотя в своих изначальных идеях скорее разочаровался.

В июле 2008 года ему позвонил Громов. Петров не сразу его узнал. Они снова встретились у физика-химика дома, теперь это была квартира в новостройке, черт знает где, на окраине. Громов забросил науку, стал главным технологом какого-то производства и перешел на коньяк.

В конце июня Громов с приятелями ездил за первым медом в Краснощековский район. Добрались до самой дальней деревни под названием Генералка — на деле это десяток усадеб, пунктиром разбросанных по берегу речки Яровка на протяжении полутора километров. Ночевали на поляне выше крайних домов по течению, здесь река круто поворачивает с юга налево, и долина ее глядит дальше вниз строго на запад. И там, в стороне низовья, на невысоком участке неба, что виднелся между расходящимися буквой «V» горными склонами, Громов и его товарищи наблюдали настоящее световое шоу. Продолжалось оно в получасовой промежутке между закатом и сумерками. На фоне закатного, чуть розоватого неба появлялись, дрейфовали в разные стороны и пересекались в своих траекториях светящиеся, но не особенно яркие точки, размером иногда как видимая на небосводе планета, а иногда и побольше.

У Громова в машине был атлас автомобильных дорог. По картам он выяснил, что приблизительно в том направлении находится Колыванское озеро, на берегу которого уже несколько лет работает оптико-лазерный центр слежения, который подсвечивает космические объекты с земли. Лазерные эффекты, отражение лучей в атмосферной дымке — так он объяснил явление взволнованным спутникам, и это устроило всех.

— Только летали они не так далеко, по угловым расстояниям и по скоростям перемещения было видно, что ближе, — сказал Громов, открывая на компьютере Google Earth. — Смотри: до Саввушки с лазерами почти семьдесят пять километров. Слишком далеко. Как по мне, эти полеты были гораздо ближе, несколько километров, не больше.

Как раз в нескольких километрах от Генералки река Яровка огибает на пути к притоку Чарыша Ине горный массив с вершиной, отмеченной названием Небо. Судя по обширным платообразным впадинам, гора сложена карстующимися породами. Этот вывод подтвердили поднятые геологические карты. По обоим берегам Ини, от устья Яровки и на пятнадцать километров вверх, до самого Тигирека, залегают мощные пласты известняков с легко читающимися в рельефе поверхностями выравнивания. Интернет подтверждал, что именно на этом участке известно немало пещер.

За последние годы, проведенные в договорных, коммерческих экспедициях, Петров всего несколько раз слышал упоминания о давнем своем интересе. А тут информация подвалила от того самого физика-химика, назначенного ему юнгианцем Фроловым в судьбоводители. Разумеется, Петров загорелся, взял на работе недельный отпуск и уже через несколько дней после встречи с Громовым ехал по Змеиногорскому тракту на своей бывалой, но ухоженной «Ниве».

Мне и самому приходилось ездить по этой дороге. Сто двадцать пять километров до Алейска, потом сто десять по степи, мимо Усть-Калманки (перед тем первый раз пересекаем реку Чарыш), пока не начнутся горы. Там ползем на перевал, петляем между вершинами логов по водоразделу, минуем крутой спуск к речке Выдрихе, и сразу за подъемом сверток направо, на Усть-Козлуху.

Дальше уже не асфальт, а гравийка — на ней в дождь может таскать, как на льду. Еще тридцать километров — и мы снова в долине Чарыша, только много выше, и едем по ней еще вверх, туда, где горы все круче, а с последнего подъема уже видны снежники на высоком хребте вдоль казахской границы.

В Генералке Петров нашел пасечника и расспросил. Тот отвечал уклончиво, мол, видели, да, много раз, ну и чего? Было похоже на то, что местные близким световым представлениям никакого значения не придают.

— А нам они зачем? — удивлялся местный житель настойчивости Петрова. — Они нас не трогают, и нам они по барабану. Не наше дело. В деревне живем. Каждый сам за себя.

Тогда Петров собрал рюкзачишко, поставил машину у забора и пошел вниз по Яровке. Километра через три, после брода и скачек по глубокой колее с валунами, змеящейся склоном ущелья, дорога вывела на просторную развилку долин. Слева впадал ручей Прямуха, не так далеко от устья к нему спускался похожий на крепостную стену скальный гребень с зияющими в нем отверстиями, сама же Яровка уходила направо, делая большую петлю. Прямо перед Петровым встали склоны массива Небо, на которые он и полез без всякой тропы, выбирая путь по траве между скоплениями кустов и деревьев. Наверху подъем вывел его на просторное ровное поле, простирающееся к западу между невысокой грядой слева и продолжением горы справа. Это было нижнее, самое большое плато массива. В его дальней части, на перегибе к следующему притоку Ини — Громатухе, Петров нашел провальную карстовую воронку с явными входами под землю между известняковых глыб. Чуть дальше, под основанием слоистого обнажения, виднелась низкая арка пещеры. Поднявшись по горе дальше, уже под самой плоской вершиной он нашел еще несколько ступенчатых плато — тоже с воронками. Внутри гора явно была пустой.

На Иню, левый приток Чарыша, Петров спустился по крутому сбросу, лавируя между скал. Внизу, вдоль берега, отыскалась тропа, и он направился вверх по течению реки, то бурлящей на шиверах пенными валами, то кружащейся зеленоватыми прозрачными омутами. Глубокий речной каньон сжимали заросшие тайгой

бока гор с отвесными каменными стенами, вылезаящими то у самой воды, то на большой высоте, закрывая небо. (Я так уверенно рассказываю, потому что сам потом прошел этим маршрутом.)

На повороте реки к югу каньон прервался широким устьем притока, да и впереди, за следующими прижимами, видна была раздающаяся вширь долина. Уже смеркалось. Петров прошел мимо пустой, покосившейся избушки скотников, увидев полукилометром дальше огонь костра и палатки. Напротив испещренной темными гротами известняковой горы стоял вездеход ЗИЛ с будкой-вахтовкой и был разбит целый лагерь.

Оказалось, это команда школьников из Барнаула. Собранный их седой дедушка по фамилии Вистингаузен был краеведом, изучающим здешние пещеры с шестидесятих годов. На поляну они переехали только сегодня, со стоянки чуть выше по течению, откуда их выгнали внезапно заявившиеся новосибирские археологи. Дети рассказали Петрову о пещере, которую нашли днем на верхних скалах правого берега. Метров сто длиной, она заканчивалась узостью, в которую со свистом улетал воздух. Старик Вистингаузен подтвердил, что раньше про ту пещеру никто не знал.

Засиделись за разговорами до полуночи, а когда костер стал угасать и почти все уже разбрелись по палаткам, сидящие спиной к реке школьники уставились на темный бок горы прямо за лагерем и сказали, что там кто-то ходит. И действительно, далеко и высоко двигалась в темноте пара огней, словно шли люди с фонариками. Однако только до подножия было метров двести, плюс еще столько же вверх по склону. Примерно на таком расстоянии Петров видел огни в девяносто седьмом, и даже дистанция между ними оставалась такой же. И так же, как тогда, огни сначала замерли, потом повернули обратно, помотались туда-сюда и ушли наверх, растаяв над гребнем. Это продолжалось несколько минут, в течение которых никто ничего внятного не сказал, да и потом тоже.

Утром Петров полез по росе на тот самый склон. Тропинок не было, но было много промятых в траве козьих следов, в разных направлениях пересекающих косогор и друг друга. Он решил добраться до водораздела хребта, ему рассказали, что там тоже

есть большое плато с воронками и слепыми оврагами. И влез уже высоко, когда за близким перегибом взошло невидимое еще ему солнце, осветив огромное пространство на юге вплоть до закрывающего горизонт в десятках километров отсюда Тигирекского хребта с вершинами, отмеченными выше зоны леса пятнами снега. На западе лучи коснулись верха противоположного борта речной долины, ровно срезанного поверхностью выравнивания на высоте трехсот-четырёхсот метров. По мере того как всходило солнце, освещенная зона опускалась все ниже, заливая светом остепненные склоны с группами сосен и зарослей акации. Свет проникал также и в неглубокий, но разветвленный распадок левого берега, который спускался к реке выше лагеря по течению, где-то в километре. Если считать по прямой, так от места, где стоял сейчас Петров, до верхних ложбин распадка было чуть меньше двух километров. И пока Петров смотрел, как световой терминатор стирает сумрак и обостряет тени в древовидно раскинувшихся вверх, заросших лесом скалистых кулуарах, на краю одного из них вспыхнула яркая точка, будто кто-то направил в сторону солнца немалых размеров зеркало. Петров достал из кармана монокуляр и через оптику стало видно, что источник света находится на голой скале. Он повел трубу вниз по распадку, заметил несколько темнеющих входов и — на треть склона ниже — ясно выделенный на сером камне светлый квадрат со стороной в несколько метров. Когда свет опустился до его уровня, на месте квадрата вспыхнуло еще одно ослепительное зеркало.

Петров разглядывал склон с огнями добрые полчаса, пока они не стали блекнуть и не погасли, оставив на своем месте белые пятна правильной формы: верхнее поменьше, а то, что ниже — больше в несколько раз. Тогда он пожал плечами и снова полез к перегибу. За ним действительно лежало бессточное, замкнутое поле размером в несколько стадионов. В нижней его точке он ожидаемо обнаружил небольшой, сходящий в воронку овраг, но хода под землю не было, ручеек просто убежал в земляную промоину. Обошел плато по периметру: на его северном скате нашлась еще цепочка воронок — так же замытых. Скат упирался в высокую каменную гряду, на вершине которой виднелся вход в найденную школьниками пещеру.

По часам уже приближался полдень, погода начала портиться, небо заволокла пока что полупрозрачная пелена, но на юге, в стороне Казахстана, уже темнело — из-за хребта надвигался грозовой фронт. Другой бы на его месте поспешил вниз, в долину, однако у Петрова, конечно же, были другие планы. Отсюда открывался прекрасный обзор, и он собрался посмотреть, куда будут бить разряды, даже нашел годный для укрытия скальный навес.

Черный облачный вал, протянувшийся на всю видимую часть неба, скрыл далекие вершины и медленно скатывался на отроги, завешивая их серой мутью дождя. Петров заметил две темные вертикальные полосы, связывающие тучи с землей — то ли смерчи, то ли полосы особенно сильного ливня — словно струйки вытекали из прохудившегося мешка. Засверкали пока еще далекие молнии, первые раскаты грома пришли только полминуты спустя. Но до плато, над которым сидел Петров, гроза так и не добралась. Вспыхивающим над склонами гор огненным зигзагом преградило путь огромное пустое пространство, в котором пришедшая с востока Иня встречала спустившийся с запада Большой Тигирек. Словно натолкнувшись на эту пустоту, фронт стал растекаться вправо и влево, огибая массивы известняковых плато. До Петрова ветер донес только короткий ливень.

Во всем случившемся за этот короткий поход он видел знаки, и даже остановившаяся перед карстовым ущельем гроза навела его на некоторые соображения, хотя любой метеоролог легко бы смог объяснить, что холодные массы разделил теплый воздух, поднимавшийся из разогретой долины. Петров уже прозревал, как тут все было устроено миллион лет назад, когда не существовало еще никаких долин и ущелий и лишь стиснутый колоссальными массами разлом проходил между толщей осадочных пород и необъятным магматическим телом основного хребта. Он видел чудовищный природный аккумулятор, естественным образом сложившийся на стыке тектонических блоков. Аккумулятор, от которого ныне осталась лишь запечатленная в геологической истории память, да несколько мелких, но все еще иногда работающих фрагментов. Короче говоря, Петров понял, что нашел место, где ему надлежит быть, и вскоре после того, как вернулся в город, постучался в дирекцию заповедника на Никитина.

Петров представился специалистом по инструментальному мониторингу природных сред. Директор Голяков заинтересовался, но долго не мог понять, зачем Петров собрался переходить к нему из ИВЭП.

— Устал от разъездов, — говорил Петров.

— Но мы тоже на месте не сидим. Бывает, месяц в заповеднике, неделя в городе. Или наоборот: месяц в городе...

— Хочу работать в одних и тех же местах. У меня есть собственные научные интересы, и...

Директор смотрел на него озадаченно. Он не понимал, какие могут быть научные интересы у немолодого человека без ученой степени.

— Сколько у вас публикаций?

— Сколько ни есть, все мои.

— С фотоловушками умеете обращаться?

— Дело нехитрое. А магнитную съемку вы не думали делать?

— Зачем это?

— Да много для чего. Характер грунтов, пород, ископаемые, подземные полости...

— Полостей у нас хватает, — оживился директор. — Может, и купим тебе прибор. Дорого стоит?

В первые годы службы Петров старался расспрашивать встреченных на территории людей о всяких светящихся феноменах. Действовал осторожно, как разведчик, наводил на тему косвенными расспросами, чтобы не выдать своего интереса. Не дай бог ему было дать пищу для пересудов и прославиться человеком со странностями. Но кое-что выяснил.

Все плато горы Небо отлично просматриваются с горы Сердцевой, через вершину которой проходит дорога из Чинеты в Тигирек. На вершине проезжающие считают за правило остановиться и обозреть доступную взору местность. И никто никогда не видел с дороги ничего необычного — ни на востоке, в сторону Яровки, ни на западе, в направлении Синюхи и Колыванского озера. Представления с огнями наблюдали исключительно жители Генералки. Тут-то Петров и задумался о возможности некой направленной проекции. Ведь Дмитриев и его товарищи тоже смотрели на сияния над Теректинским хребтом с одного

направления — с юга. В то время как с севера, из бассейна Урсула, никаких сведений о подобных эффектах не поступало.

Интересно, что пик наблюдений в Уймонской долине пришелся на первую половину 80-х, когда энтузиасты съехались строить в Верхнем Уймоне рериховский музей. Что если феномены могли выбирать себе свидетелей? Взять тот же случай, когда объект ослепил группу Дмитриева. Неужели он мог ослепить всех жителей окрестных сел разом? Ерунда. Такой случай вошел бы в историю, его нельзя было бы замолчать.

Разумеется, Петров обследовал тот распадок со светящимися зеркалами выше Семипещерной горы. «Ущелье светящихся квадратов», как он его называл. При ближайшем рассмотрении квадраты (у верхнего сторона полтора метра, у нижнего пять) казались намалеванными белой краской. Но нет, это была натуральная порода с выветренной от атмосферных воздействий поверхностью. По периметру квадрата — мрамор, карбонат кальция, тот же известняк, только метаморфизированный, подвергнутый действию высоких температур. Центр квадрата оказался состоящим из окисла кремния, в данном случае принявшем модификацию кристаллического кварца. Когда-то кварцевая жила была раскаленным щупальцем, запущенным в разогретую толщу известняков. Но прямоугольная форма говорила о блоке, вынутом по взаимно перпендикулярным линиям естественной трещиноватости. Кварц имеет слабую электропроводность, обладая при этом свойствами пьезоэлектрика — дает электрический разряд при механическом воздействии и сам деформируется под воздействием поля. Он проводит свет лучше стекла, но преломляет лучи особым образом. Как бы то ни было, работать световодами и датчиками эти включения могли только очень, очень давно. Сейчас от древней машины природного электричества остались только руины.

Снимки с фотоловушек ничего Петрову не дали. Он их ставил в самых интересных местах: на карстовых плато близ воронок, над разломами, на контактах пород. Ни одного светящегося объекта ни одна камера не сняла. Тогда Петров решил, что датчики движения на энергофоры не реагируют, и сам стал сидеть в засадах, проведя на замаскированных лежках и лабазах немало ночей

и дней, но, кроме фотографий рассветов, закатов и пугливых животных, ничего не добыл.

Несколько лет он везде ходил со статическим магнитометром и скоро научился заранее узнавать, какие величины поля получит в том или другом месте. Колебания оставались в пределах обычного, даже аномалии легко было объяснить. И главное — показатели не менялись, тогда как Петров, в соответствии со своим планом, хотел найти «живые» точки, где бы поле изменялось, пульсировало.

К шестнадцатому году Петров сделался совсем уже усталым, разочарованным человеком, живущим по инерции и лишенным всяких планов на будущее. Зато он притерпелся к своей судьбе и полюбил территорию, на которой волей этой судьбы очутился. Исходив ногами, кажется, каждый уголок в радиусе минимум тридцати километров, он уже полагал себя местным, хозяином. Давно избегал поездок в город, где пустовала запущенная квартира. Отремонтировал брошенную избушку и жил там в снежные зимы, когда на Большую землю, в Чинету, можно было выбрать только на двух сцепленных гусеничных тракторах. Полюбил медовуху здешнего производства. Местные жители (все двадцать человек, остающихся в Тигиреке на зиму) считали Петрова бывшим бизнесменом, задолжавшим миллионы бандитам и приговоренным мафией к смерти.

— Не бойсь, — говорили они. — Здесь тебя не выдаст никто.

Петров уже смирился, что жизнь его в целом состоялась и будет такой, как она сейчас есть, до конца. Да что там смирился, он был даже рад этому. Он нашел множество побочных интересов, делающих его ценным кадром для заповедника и пасущихся на нем ученых людей. Петров никогда не настаивал, чтобы его имя стояло в ряду авторов серьезных статей. Имя это мало что значило. В научном мире его знать не знали и даже буквы, обозначающие ученую степень, он не мог приставить к своей фамилии.

В один из декабрьских дней, после сильного снегопада, к нему заглянул сосед. До соседского дома было меньше половины километра по снежному полю. Зашел он по какой-то пустяковой надобности, но не отказался пройти в избу и угоститься горячим чаем.

— Снега-то вчера намело! — сказал он между прочим. — Небось, и Змеиную плешь прикрыло.

— Что за Змеиная плешь? — поинтересовался Петров. Никогда он раньше не слышал об этом месте, хотя думал, что лучше его знатока окрестностей еще поискать.

— Да есть такое... — сосед как будто даже смутился. — Не знаешь? Так и не мудрено, что не знаешь. Не любим мы про него рассказывать. Но ты уже вроде как свой, тебе можно.

Петров от него не отстал, пока не сговорились на завтра сходить посмотреть. На следующее утро сосед подъехал верхом, привел и вторую оседланную лошадь.

Через полчаса они поднялись вдоль занесенной колеи туда, где дорога по пути в Чинету огибает большую воронку, в раскрытый зев которой уходит ручей — даже сейчас, зимой, они слышали, как он журчит. Оттуда ушли влево, пересекли верховье этого лога и следующего, Драгунского, выйдя в итоге на водораздел Ини с Ханхарой. Здесь известняки заканчиваются, сменяясь метаморфическими сланцами, пограничной породой, отделяющей осадочные толщи от изверженных. Покружив вокруг непримечательной местной вершины, сосед выехал на укрытый с трех сторон кустарником пологий участок и слез с коня.

— Смотри, — сказал он.

Там была, действительно, плешь. Издалека она выглядела небольшим понижением рельефа в форме блюдца, вблизи — проталиной. На участке диаметром в десяток метров почти не было снега, а вокруг стояли сугробы: с подветренной стороны небольшие, с наветренной — мощный надув. В городе можно увидеть такое над коллектором теплосетей. Однако Петров не замечал признаков таяния. Снег просто истончался на границе плещи, как будто некая сила не пускала его внутрь круга. Внутри лежал обычный навал сланцевой плитки, покрытой заурядным лишайником.

— Там змеи под камнями зимуют, — сказал сосед. — Можно откопать, посмотреть. Видать, тепло им.

Но куржака не было. Если бы из-под камней выходил теплый воздух, непременно вырос бы иней.

— Здесь раньше крест стоял, давно еще, — объяснял сосед. — Его молния сожгла, новый ставить не решились, чтобы внимания не привлекать. Люди сюда лечиться ходили. Полежат на камнях — и лучше делается.

Магнитометр Петров, разумеется, забыл с собой взять. Давно уже перестал таскать его всюду. Поэтому на следующий день пришел снова, и вообще стал ходить туда часто. Местные жители на это сердились: дескать, целую дорогу натоптал, хоть бы разными путями ходил. Но зимой в Тигиреке посторонних не было, да и кому надо лезть по чужим следам в гору. Чтобы подняться на плешь пешком, Петрову требовалось часа полтора, обратно он спускался на лыжах за полчаса. Снегоход никогда не просил, бензина на кордоне было в обрез.

В результате хождений выяснилось, что ионизация воздуха над плешью выше всех правил, а показатели напряженности магнитного поля меняются всякий раз. К лету Петров собрал свои денежные накопления и за полмиллиона купил протонный магнитометр китайского производства с выносным датчиком и цифровым самописцем. К осени в его распоряжении оказался ряд из нескольких тысяч чисел, отражающих колебания значений векторов намагниченности и индукции в зоне Змеиной плечи.

Сначала он просто рисовал графики, потом стал переводить числа в десятичные и двоичные последовательности. Фрагменты последовательностей регулярно, хотя и в неопределимом порядке, повторялись, но явной цикличности не было. Петров понимал, что магнитная пульсация отражает некие процессы, происходящие под землей, а пятак плечи стал в силу неизвестных причин единственным местом внешнего проявления этих процессов. Но он не находил закономерностей и корреляций, хотя где только последние не искал. Моменты повторения цифровых отрезков не увязывались ни по времени, ни по метеообстановке, ни по солнечной активности, ни по чему вообще.

Сами по себе полученные им ряды цифр представляли собой информацию, поскольку не являлись случайными. Непонятно было, что с такой информацией делать. Ее можно было воплотить в картинку, в трехмерные фигуры, можно было даже поискать в ней код, основанный на разных природных закономерностях,

вроде периодической системы элементов. Но ее нельзя было объяснить, а значит, признать. Петров, как маргинал науки, попал в обычную для маргиналов ловушку. Заявить о своей находке открыто — значило до конца жизни ходить в черных списках комиссии РАН по лженауке. И хотя терять Петрову было почти нечего, он все же получал зарплату в бюджетной организации и беспокоился за ее реноме.

На этом моменте рассказываемой истории, когда уже под утро Петров раскладывал передо мной исчерканные ручкой листы распечатанных графических кривых и столбцов цифр, я вспомнил еще один роман Лема — «Глас Господа», но говорить о нем вслух не стал, все равно Петров не читал беллетристику. Мы выпили по последней, и перед тем, как нам разойтись спать, Петров сказал:

— Вообще-то я застрял в этой математике три года назад. За это время случились подвижки в другом направлении. Есть еще кое-что. Некоторые, скажем так, результаты. Когда я изменил, так сказать, тактику и подход. Если захочешь, покажу, прогуляемся завтра.

На следующий день я встал рано, проспав всего несколько часов, но хозяина уже не было. Умылся из Малого Тигирека (избушка стояла практически на его берегу) и сходил на кордон проводить товарищей по путешествию, хотя и там не нашел Петрова. Когда вернулся, у калитки стояли привязанные кони, а хозяин дома сидел на крыльце с очень серьезным видом, в новеньком камуфляжном костюме.

— Готов? — спросил он. — Возьми фотоаппарат, вдруг повезет.

— Да вот нет у меня фотика, телефоном снимаю, — растерялся я. Петров на это ничего не ответил.

Нечасто мне доводилось ездить верхом, но дело это нехитрое. Главное — не пытаться конем управлять. Конь не дурак, сам знает куда идти. Зато, качаясь в седле и возвышаясь над пешеходами, можно почувствовать себя значительным человеком. Ей-богу, управление машиной такого ощущения не дает. Разве что трактором... Но я никогда не пробовал водить трактор.

Из тигирекской долины мы двинулись вверх по дороге. Я решил, что Петров ведет меня к Змеиной плещи. Но нет. Мы миновали воронку с исчезающим ручьем, перевалили гриву,

разделяющую два плато, и только за ней свернули с накатанного машинами пути на тропинку. Впереди расстиралось еще одно левобережное инское плато — лежащая между невысокими грядами луговая равнина, исчерченная древовидной сетью овражков, заросших березняком по краям.

Не добравшись до финальных, поглощающих овражную воду воронок, Петров повернул вправо, в сторону Ини, на бровку плато. Там, на небольшой возвышенности водораздела, виднелся треножник из бревен.

— Сам поставил, — похвастался Петров. — Там и камера у меня стоит, но толку с нее...

День выдался очень спокойный, сонный, безветренный, пасмурный. Небо закрывали не облака, а белесая пелена, сквозь которую можно было угадать положение солнца. Мы спешили метров за сто до треножника в березовом колке. Петров привязал коней.

— Пойдем до гребешка, — сказал он. — Там у меня схрон сделан, в нем и засядешь.

Поднялись на край плато. В пятнадцати примерно метрах от знака и несколько ниже была естественная выемка между камнями. Дно ее устилал слой сухого рыжего лапника. Петров вытащил из заплечной сумки сверток брезента, расстелил его и жестом показал, что здесь мое место.

Я замялся, не зная, как быть. Все происходящее походило на какую-то игру, а мне не нравятся игры, тем более с неизвестными правилами. Но деваться было некуда и пришлось опуститься на этот линиялый, дырявый брезент.

— Тихо лежи, не высовывайся, — посоветовал он. — Смотри в эту щель. Заметишь чего, так фотографируй. На пленку они раньше хорошо попадались, цифра их хуже берет.

Петров выглядел чрезвычайно озабоченным, но я допускал, что рано или поздно он все-таки рассмеется и объяснит свои действия шуткой. Он подошел к знаку из бревен, вынул из одного кармана молоток, из другого небольшой белый камень. Обернулся и продемонстрировал камень мне.

— Кристаллический кварц.

Потом с кряхтением сел, скрестив ноги, на траву перед покатым валуном, выдающимся из земли только верхушкой. Положил

на его поверхность свой камешек и стал легонько постукивать молотком. Это постукивание продолжалось минут пять, я успел устать. С каждой минутой ситуация казалась все более дурацкой. Тук-тук. Тук-тук. При этом он выглядел как человек, выполняющий сложную и тонкую работу.

Когда созерцание бессмысленного ритуала стало совершенно невыносимым, что-то в поведении Петрова переменялось. Молоток поднимался все реже и, наконец, остановился совсем. Петров вскинул голову и уставился в пространство перед собой, как будто что-то увидел. Это «что-то» располагалось от него приблизительно в метре, расстояние можно было прикинуть по движению глаз. Он отложил молоток и достал штуку, в которой я опознал пьезоподжиг для газовых плит. Протянув его перед собой рабочим концом вверх, Петров стал щелкать кнопочкой. Он водил зажигалку перед собой, словно ловил мыльные пузыри.

— Видишь? Нет? — быстро спросил он. — Ладно, все равно попробуй заснять.

Добившись, по-видимому, своей цели (поймав нечто невидимое), он сразу же успокоился. Лицо расслабилось. Взгляд, устремленный чуть выше поджига, сделался умиротворенным, словно Петров любовался редким цветком, выращенным собственноручно. Он чуть покачивался, словно предмет его интереса балансировал у него на вытянутой руке и нельзя было позволить ему упасть.

Через пару минут что-то произошло, невидимое сорвалось и, наверное, улетело (он даже, кажется, проводил его взглядом), пантомима закончилась. Он опустил руки и снова принял деловой вид, затем устало поднялся и посмотрел на меня с каким-то отчаянным вызовом. Я прокрутил ему видео.

— Скинешь потом, — сказал он. — Надо попробовать фильтры.

С горы в поселок спускались в молчании. Расстались тоже почти без слов.

В тот же день я продолжил путь на запад, к реке Белой, надеясь нагнать товарищей под Синюхой. На скользкой грязи, бешено крутя баранку туда-сюда, чтобы не провалиться в пробитые «шишигой» глубокие колеи и не сесть машиной на брюхо, я размышлял о субъектности в научном исследовании, о влиянии ученого

на эксперимент. Критерием научности считается повторяемость, возможность воспроизвести результат. Если результаты дает лишь один исследователь, а у других опыт не получается, мы, скорее всего, имеем дело с ошибкой, причину которой можно найти. Когда мы считаем, что исследователь пользуется привилегиями природы — это уже, безусловно, мистика. Субъект-субъектные отношения между ученым и его интересами — чистый идеализм, прямая дорога к медитациям, влекущим за собой инвентаризацию полтергейстов.

Я благополучно доехал до нормальной дороги, она начинается в Бугрышихе сразу за бродом. Друзья дождались меня, мы славно погуляли в Колывани и на некоторое время получилось забыть о впечатлениях и мыслях этих неполных суток. Но тема осталась, ни один вопрос так и не разрешен, и в Тигирек я до сих пор приезжаю по несколько раз в году.